НОВЫЕ МЕДИА

Бодрунова Светлана Сергеевна, доктор политических наук, профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: s.bodrunova@spbu.ru

КУМУЛЯТИВНАЯ ДЕЛИБЕРАЦИЯ: НОВАЯ НОРМАТИВНОСТЬ В ИЗУЧЕНИИ ПУБЛИЧНЫХ СФЕР ОНЛАЙН[1]

Нарастание комплексности и сложности публичных сфер, особенно из-за их гибридизации (Chadwick, 2013) и роста пользовательского контента, привело к переоценке качества публичных дискуссий, в более широком масштабе – качества публичной сферы в разных странах. Важным аспектом этой переоценки становится переоценка нормативности обсуждений, поскольку рост сложности превращается в направленность публичной сферы не на консенсус, как в классической теории делиберации (Habermas, 2006), а на диссонанс (Pfetsch, 2018). Теория публичной делиберации предъявляет высокие нормативные требования к участникам политических дискуссий, в то время как общение пользователей не соответствует таким ожиданиям, поскольку их речь может быть бессодержательной, предвзятой, эмоциональной. В то же время быстро растет число свидетельств того, что формирование мнений в Интернете носит кумулятивный, а не делиберативный характер. Наша работа расширяет существующие взгляды на нормативность публичного обсуждения. Во-первых, мы вводим концепцию кумулятивной делиберации, которая позволяет точнее объяснить, как формируются мнения в онлайн-дискуссиях. Во-вторых, мы предлагаем новый подход к нормативности в общении пользователей при кумулятивном формировании мнений. Предлагаемый подход позволяет отличать легитимное недовольство пользователей и естественные дискурсивные практики от преднамеренных цифровых угроз, таких как индуцированное формирование мнений, вычислительная пропаганда или кибербуллинг.

***Ключевые слова**: делиберация, кумулятивная делиберация, нормативность, онлайн-дискуссии, Юрген Хабермас, публичная сфера.*

Svetlana S. Bodrunova, Doctor of Political Science, Professor at the Chair of Management of Mass Communications, School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: s.bodrunova@spbu.ru

CUMULATIVE DELIBERATION: NEW NORMATIVITY IN STUDYING PUBLIC SPHERES ONLINE

The growing complexity of public spheres, especially because of their hybridization (Chadwick, 2013) and prosumerization (Toffler, 1980/2022) has led to a reassessment of the quality of public discussions and, on a broader scale, the quality of the public sphere in different countries. An important aspect of this reassessment is the normative orientation of discussions. In particular, the growth of complexity shifts their normative focus from consensus as in the classical theory of deliberation (Habermas, 2006) to dissonance (Pfetsch, 2018). The theory of public deliberation imposes high normative requirements on the participants of political discussions, while user communication does not meet such expectations, since their speech may be meaningless, biased and/or emotional. At the same time, there is mounting evidence that the formation of opinions on the Internet is cumulative, not deliberative. Thus, the author of this paper proposes to expand the existing views on the normativity of public discussions. First, the concept of cumulative deliberation is introduced in the paper, which allows the author to explain more precisely how opinions are formed in online discussions. Second, a new approach to normativity in user communication with the cumulative formation of opinions is proposed. This approach provides for distinguishing legitimate discursive practices that designate user discontent from deliberate digital threats, such as induced opinion formation, computational propaganda or cyberbullying.

***Key words**: deliberation, cumulative deliberation, normativity, online discussions, Juergen Habermas, public sphere.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2023.87122

Введение

В начале XXI в. ученые повсеместно отмечают нарастание комплексности, сложности публичных сфер. Главными причинами роста сложности публичной дискуссии называют техническую гибридизацию (переход в цифровое пространство) и ее следствие – содержательную гибридизацию контента, имеющую политические последствия (Chadwick, 2013). Одним из проявлений гибридизации стало доминирование контента, созданного пользователями в качестве просьюмеров, выступающих в роли одновременно создателей и потребителей текстов (Toffler, 1980; 2022). Появление огромного количества новых неинституциональных участников публичной дискуссии, а также последствия их участия в онлайн-обсуждениях привели

к переоценке качества публичных дискуссий (Мисников, 2013) и – в более широком масштабе – качества публичной сферы в разных странах. Развитие онлайн-дискуссий оценивается как снижающее качество публичной сферы сразу в нескольких аспектах.

Во-первых, сегодня дискуссии, в которых принимают участие пользователи социальных сетей, рассматриваются учеными как хаотичные, малопредсказуемые и лишенные внутренней цельности, а также не длящиеся во времени, т. к. в них постоянно меняется состав участников (Smoliarova et al., 2020). При одновременном участии миллионов пользователей диахронический характер обсуждения, устроенного по аналогии с дискуссией за круглым столом, становится невозможен.

Во-вторых, внимание ученых привлекли искажения в онлайн-речи, которые уводят в сторону от делиберативного идеала. В начале 2000-х влияние Интернета на публичную дискуссию виделось почти исключительно как позитивное, поскольку ученые ожидали, что Всемирная паутина будет способствовать демократизации общественного диалога (Nakamura, 2013). Однако уже очень скоро наступило разочарование в Интернете как агенте демократизации (Fossato, Lloyd, 2008), а в 2010–2020-е гг. накопились данные об антидемократических эффектах сетевой коммуникации, в т. ч. описанных как цифровые угрозы. Они включают разнообразные практики намеренного отклонения от аутентичной коммуникации (например, вычислительную пропаганду – см.: Woolley, Howard, 2018) и искажения, возникающие в ходе общения пользователей как естественные, но ведущие прочь от нормативного идеала (например, язык вражды или кибербуллинг).

В-третьих, искажения и высокая степень дисконтинуальности дискуссий заставляют переосмысливать нормативную сторону онлайн-дискуссий в целом. Рост сложности и коммуникативных искажений, по мнению ученых, направляет публичную дискуссию не на консенсус, как в классической теории делиберации (Habermas, 2006), а на диссонанс (Pfetsch, 2018). Нынешняя теория публичной сферы предъявляет высокие нормативные требования к участникам политических дискуссий, в то время как общение пользователей не соответствует таким ожиданиям, поскольку их речь может быть бессодержательной, предвзятой, эмоциональной. Более того, высказывающиеся в Сети пользователи могут не иметь никакой делиберативной цели. В 2010-е ученые пытались узнать, какова основная мотивация пользователей для участия в полити-

ческих онлайн-дискуссиях, и выражали это формулой *to agree or to argue* («согласиться или поспорить»; Yardi, boyd, 2010). Однако к 2020-м большинство исследователей уже сомневаются как в той, так и в другой мотивации.

В то же время быстро растет число свидетельств того, что формирование мнений в Интернете носит кумулятивный, а не делиберативный характер. Иначе говоря, в Интернете коммуникация по принципу «круглого стола», где каждый выслушивает каждого, замещается одновременным говорением многих микро-акторов с минимальным объемом внимания друг к другу. Тем не менее доминирующие мнения в дискуссии все равно формируются – путем накопления сходных позиций и вопреки высокому уровню белого шума. Оксфордские исследователи указывают также на важную роль микро-актов политического участия в формировании мнений – так они называют реакции пользователей в соцсетях (лайки, репосты, комментарии; Margetts et al., 2015). К ним примыкают и акты контрибутивного действия (например, подписание онлайн-петиций; Bodrunova, 2020 a). Несмотря на незначительность каждого мелкого акта самого по себе, взятые вместе, они важны с точки зрения выражения мнений и предпочтений пользователей.

Все эти предпосылки свидетельствуют о необходимости нового подхода к оценке качества онлайн-дискуссии, который был бы основан на идее накопления мнения, а не его выработки делиберативным (рациональным, инклюзивным, «круговым») путем. В первую очередь требуется пересмотр нормативных оснований онлайн-обсуждений, поскольку мотивации пользователей отличны от нормативных ролей институциональных участников делиберативного процесса.

Ниже мы предлагаем концепцию кумулятивной делиберации, которая отражает новый характер публичной дискуссии, и описываем ее нормативность. Последняя позволяет поставить вопрос о нормативном разграничении естественных проявлений неделиберативного пользовательского дискурса и стратегического антидемократического влияния на ход дискуссии.

Возможен ли рациональный публичный диалог в социальных медиа?

Онлайн-дискуссия как (не)демократизирующее (не)обсуждение. Делиберативный процесс описывается в подавляющем большинстве теоретических работ как обсуждение, имеющее целью обрете-

ние согласия и/или согласованного решения между участниками полилога. Такое обсуждение имеет процедурные характеристики и требования к дискурсивному вкладу участников (см. ниже). В частности, процедурно обсуждение должно быть публичным (в большинстве случаев, хотя бывают и исключения), должен соблюдаться принцип «круглого стола» и обсуждение должно носить раундный характер. Принцип «круглого стола» означает, что, в теории, участники обсуждения высказываются по очереди. Таким образом, каждый участник имеет возможность высказать аргументы и выполняет роль слушателя, когда высказывается другой. Что еще более важно, принцип «круглого стола» подразумевает, что до начала обсуждения потенциальное решение равно удалено от участников и их частных интересов. Раундный характер дискуссии означает, что, если согласие не достигнуто и решение не найдено после изложения и выслушивания всех аргументов (т. е. в первом раунде обсуждения), дискуссия заходит на второй круг (раунд) и далее, продолжаясь до тех пор, пока искомое согласие не будет достигнуто. Более того, как видно из изложенного ниже, ключевые теоретики убеждены в том, что любой консенсус носит лишь временный характер; общественный диалог в любом случае развивается дальше, но именно конец очередного раунда имеет значение для закрепления временной картины (не)согласия.

В XX в. процесс публичной дискуссии шел в основном в рамках институциональных дискурсов и в массмедиа (Calhoun (ed.), 1993). Публичная сфера, мыслимая Юргеном Хабермасом как область автономной дискуссии свободных граждан (Habermas, 1992 b; 1996), при этом постоянно подвергалась влиянию стратегических акторов и их нарративов (Fenton, Downey, 2003). Эти нарративы создаются доминантными акторами политических систем, стремящимися к «рефеодализации» общественного пространства (Habermas, 1991: 177–196), а также акторами, которые бросают вызов *status quo* в политической системе. Это НКО, социальные движения, нишевые и радикальные политические партии (Leydet, 2021; Sintomer, 2018), которые, пусть и ради самих себя, выступают в качестве агентов расширения прав и возможностей социальных групп и «открытия», «дефеодализации» общественного пространства.

Таким образом, до появления социальных сетей опасения ученых по поводу качества общественного обсуждения были связаны с нормативными аспектами публичной коммуникации ограниченного и предсказуемого числа участников. Это были вопросы о дости-

жении дискурсивной рациональности, равенстве и включенности социальных групп в общественный диалог, структурной эффективности делиберативных арен (Dahlberg, 2005; Moe, 2008). Можно (с оговорками) утверждать, что вопросы оценки сложности и оперативной динамики формирования мнений в институционализированных и медиатизированных публичных сферах волновали исследователей в меньшей степени. Однако влиятельные работы о моделях формирования мнения, подобных «спирали молчания» (Noelle-Neumann, 1974; Scheufele, Moy, 2000) или «молчаливому большинству» (Mustafaraj et al., 2011), выявили модели и эффекты в формировании мнений, которые можно было бы назвать «кумулятивными» и которые больше зависели от механизмов складывания большинства/меньшинства, чем от иных свойств институциональной или медиатизированной коммуникации.

Изменения, внесенные сначала Всемирной паутиной, а затем социально-сетевыми порталами, выявили природу массовых дискуссий «на уровне человека», которая ранее проявлялась в распространении слухов (Lake, Pincus, 2006) и в частных обсуждениях, не принадлежащих (хотя бы теоретически) публичной сфере. Социальные сети, сделав миллионы микро-участников частью публичной сферы, критически переформатировали границу между общественным и частным в общественном диалоге. Это не могло не привлечь внимания исследователей делиберации, поскольку социальные сети привели к быстрому росту сложности (*complexity*) публичной коммуникации вместе с ростом белого шума в ней. Понимание современных общественных сфер как диссонирующих и разрозненных (Pfetsch, 2018) распространилось в науке о делиберации – при этом требуя от обычных пользователей практически тех же уровней нормативной ориентации на рациональную и консенсусную дискуссию, которые требовались от институтов и традиционных СМИ в XX в.

С начала 2000-х гг. демократический вектор (Hallin, Mancini, 2004: 13–14) в оценке делиберативного качества онлайн-дискуссий колебался по синусоиде: от почти утопических заявлений о демократизации на основе роста равенства и горизонтальности в репрезентации мнений (Nakamura, 2013) до разочарования в возможностях демократизации в силу бессодержательности, тривиальности дискуссий в Сети, а также отсутствия их связи с выработкой политики по отдельным вопросам повестки дня в офлайне (Fossato, Lloyd, 2008; Trottier, Fuchs, 2014). Постепенно научное

сообщество пришло к «легализации» Интернета как нового агента демократизации публичной сферы, ограниченного в его влиянии на качество демократии. Например, было показано, что в онлайн-мире социальные разделения и диспропорции скорее воспроизводятся и становятся более сложными, чем стираются (Daniels, 2013). После 2016 г. синусоида пошла по наклонной: после разоблачений Эдварда Сноудена и выборов в США наблюдается быстрое падение доверия к онлайн-коммуникации. Она видится как зона распространения цифровых угроз (Miller, Vaccari, 2020), включая алгоритмические медиаэффекты (Bozdag, 2013) и вычислительную пропаганду (Woolley, Howard, 2018).

Будучи, несомненно, необходимым для объяснения недостатков демократизации онлайн-дискуссий, демократический вектор тем не менее отчасти помешал рассматривать высказывания пользователей на платформе как потенциально политически нейтральные. Нейтральные в том смысле, что случайному обычному пользователю не приписывалось бы никакой скрытой политической интенции и собственного позиционирования в рамках политического рынка идей и властных взаимодействий – в отличие от того, как это приписывается институциональным участникам публичной дискуссии, таким как политические партии, министерства, СМИ (с их объявленной или неофициальной политической пристрастностью), активисты, международные акторы. Все они присутствуют в делиберативном процессе именно для того, чтобы проявлять политическую интенцию и отчетливую позицию по вопросам повестки дня (либо описывать интенции многих акторов, как делают СМИ). В отношении каждого из институциональных участников делиберативного процесса у других его участников всегда есть прогнозы и ожидания. При этом платформы, независимо от того, насколько их собственная политика влияет на онлайн-разговор о политике, все еще могут рассматриваться как изначально нейтральные пространства для выражения мнений, на которых со временем формируется обще(ственно)е мнение. Сообщения и комментарии пользователей могут рассматриваться как потенциально нейтральные *до их публикации*, в отличие от дискурса партий, НКО, общественных деятелей или даже СМИ, поскольку позиция последних, как правило, в целом известна общественности до публикации конкретного текста. Это означает, что диспозиция игроков перед публичной дискуссией с участием пользователей Интернета, а также ее результаты становятся менее

предсказуемыми: итог зависит не от предварительной подготовки и числа раундов в диалоге с равным вовлечением небольшого числа участников, а от того, какие мнения и в каком объеме высказываются, поддерживаются/не поддерживаются, накапливаются, борются и, наконец, выигрывают/проигрывают. Иначе говоря, благодаря переходу повседневного общения в социальные сети, имеющие публичный характер, стохастический характер формирования мнения сегодня превалирует над делиберативным принципом его выработки.

Этот уровень сложности дополняется другим, который возникает из-за снижения рациональности аргументации, а также отсутствия ориентации на диалог и взаимопонимание в сетевых дискуссиях. То есть сдвигается не только граница между частным разговором и публичной дискуссией; вместе с этим в публичное пространство переносятся и свойства межличностной коммуникации. При этом теория публичной сферы пока отстает от практики. Модели консенсусной (Brown, Dillard, 2013), конкурентной (Malina, 2005), агонистической (Mouffe, 2017) или множественной (Fenton, Downey, 2003) публичной сферы до сих пор ориентированы больше на участие узловых институтов, чем на участие обычных граждан, и сосредоточены вокруг идеалов консенсуса или конкуренции, которые для ученых играют определяющую роль в том, как структурируется общественное мнение. Но неполнота и фрагментарность реплик пользователей, настроения и эмоции говорящих, а также случайный характер речи, подразумевающий очень краткосрочные цели, редко выходящие за рамки краткого выражения базовых политических установок, не позволяют нам ожидать, что пользователи самоорганизуются в совещательные структуры. Вместо этого, как мы утверждаем, общественное мнение вырастает на иных основаниях.

Ниже мы рассмотрим это более подробно, уделяя особое внимание неконсенсусности, недиалогичности, нерациональности онлайн-обсуждений и отсутствию в них стойкого делиберативного намерения, а также опишем, что приходит на смену этим качествам диалога в онлайн-общении.

*Неконсенсусность и нерациональность***.** Обобщенное (и, конечно, сильно упрощенное) ви́дение понятия делиберации, по Хабермасу, состоит в том, что это процесс публичного обсуждения с целью достижения взаимопонимания (*Einverstaendnis*). Для аргументированной речи как коммуникативного действия нормативные

требования являются обязательными, поскольку для Хабермаса формирование согласия собеседников лежит в плоскости прагматики речевых актов (Habermas, 1992 a: 139–140), а не в психологических мотивах или политических позициях говорящих. Более того, коммуникативный разум, осознающий себя через столкновение с разнообразием случайных, непредвиденных (*contingent*) проявлений социальности и обилием смыслов, стремится снизить степень сложности этого разнообразия через достижение согласия с Другим через язык. Как указывают исследователи текстов немецкого ученого, хабермассианский консенсус является как прагматической предпосылкой коммуникации, *уже* встроенной в систему языка в качестве самой возможности согласия, так и имманентной *целью* коммуникации, регулирующей ее задачу и содержание как «регулятивный идеал» (Jezierska, 2020: 5).

Эта предпосылка чрезвычайно строга. Хабермас требует не только простого согласия дискуссантов как компромисса между ними. Он требует согласия, основанного на разделяемом всеми собеседниками ви́дении, понимании логики и причинности происходящего: все стороны обсуждения должны согласиться о причинах событий и интерпретировать их аналогичным образом (Habermas, 2001: 339). Таким образом, целью делиберации является достижение общего понимания логики причин/следствий и согласия о них. Лучшие, более рациональные, точные, глубокие аргументы постепенно формируют общий консенсус. При этом получается, что дискуссант, не ставящий взаимопонимание целью речи, является буквально «лингвистически некомпетентным» (Braaten, 1991: 19–20) и не может участвовать в разумном обсуждении. На групповом и общественном уровне только компетентное «публичное использование разума свободными и равными гражданами <...> обеспечивает норму рационально-критического обсуждения, свободного от государственных и корпоративных интересов, инклюзивного, направленного на понимание и согласие, аргументированного и рефлексивного» (Karppinen, Moe, Svensson, 2008: 9; см.: Benhabib, 1996; Habermas, 1992 b; 1996).

В связи с этим только определенные виды речи могут рассматриваться как коммуникативные действия и, таким образом, становиться частью обсуждения; все остальные виды речи должны быть исключены из рассмотрения. Такое обсуждение может осуществляться и через взаимодействие «человек–человек», и через институциональные дискурсы, ориентированные на принятие

решений, где все стороны должны следовать делиберативному канону и сделать процесс обсуждения рациональным, инклюзивным, равноудаленным от решения (лишенным скрытых преференций для отдельных акторов) и циклическим, со многими итерациями, если это необходимо. Следовательно, нормативными требованиями к любому участнику обсуждения и его дискурсу являются ориентация на консенсус, учет чужих позиций, поиск точек соприкосновения, соблюдение порядка выступления, а также отказ от эмоций, субъективных претензий и скрытых личных или групповых интересов ради нахождения таких аргументов в споре, которые могут быть признаны как наилучшие и самые справедливые всеми сторонами конфликта.

Однако в сегодняшнем медиатизированном процессе принятия решений массовые онлайн-дискуссии, где такой канон не соблюдается, являются немаловажной частью общественного рассмотрения альтернатив развития. Даже если речь, которую производят пользователи, не ориентирована на консенсус и не выдерживает критики с точки зрения делиберативного качества, она в любом случае оказывает влияние, иногда решающее, на институционализированный публичный диалог. Поэтому понимание процесса обсуждения требует переосмысления и расширения, чтобы у нас была возможность учитывать взаимодействие и влияние на результат делиберации как ее рационально-аргументативных, так и кумулятивных сегментов.

Сопоставляя идеальное обсуждение, ориентированное на консенсус, и сегодняшнюю реальность публичных гибридных дискуссий, где размыты границы между офлайном и онлайном, а также между публичным и частным (Splichal, 2021), мы видим, что полноценные коммуникативные действия составляют незначительную часть публичных обсуждений. Основной объем состоит из «мелких актов политического участия» (Margetts et al., 2015) – так оксфордские ученые называют то, что мы бы назвали коммуникативными микро-действиями пользователей: посты, лайки, комментарии, репосты, а также подписание петиций, онлайн-голосования и т. д. Однако большинство лайков, репостов или комментариев не ориентируются на консенсус или даже на оспаривание или разрушение формирующегося консенсуса. Еще в 2010 г. Ярди и бойд (Yardi, boyd, 2010) поставили вопрос о том, зачем люди в основном выходят в Интернет: чтобы соглашаться или чтобы спорить (*to agree or to argue*)? Сегодня уже ясно, что ни то ни другое. У речевого контакта

может быть много иных причин неделиберативного характера, включая установление контакта, выражение отношения, обмен эмоциями, укрепление идентичности, выплеск негатива или развлечение. Делиберативный горизонт многих высказываний пользователей недостаточно широк, чтобы включить цель достижения консенсуса даже в рамках одной темы комментариев, не говоря уже о более высоких уровнях структуры обсуждения.

И все же в Сети формируются мнения, а пользователи группируются на их основе. Как же тогда выглядит консенсус в онлайн-сфере? Здесь можно вспомнить метафорическое определение консенсуса Шантай Муфф, которая видела консенсус как нечто крайне вредное для демократической дискуссии, как «временную кристаллизацию текущей гегемонии» (Mouffe, 2000; см.: Karppinen, Moe, Svensson, 2008: 10). Добавим к этому диссипативную (по И. Пригожину) природу временных, постоянно изменяющихся онлайн-сообществ, складывающихся на основе эмоций и аффекта (*affective publics*; Papacharissi, 2015). Применяя это ви́дение к онлайн-дискуссиям (например, в том, как конструируются веб-графы дискуссий, отражающие их структуру и динамику), можно «заморозить» любой момент дискуссии, отразить его в веб-графе и рассматривать восстановленный графически моментальный срез обсуждения как кристаллизацию доминирующих и миноритарных мнений, в то время как следующий момент времени может вызвать к жизни уже новую «кристаллизованную» картину обсуждения. В динамике картина напоминает колеблющийся Солярис, где участки дискуссии могут «подниматься» и «опускаться» то тут, то там, становиться плотнее и свободнее, накапливаться и рассеиваться, разрастаться, чтобы выделиться из ткани обсуждения в качестве трендовых тем, и угасать одна за другой или параллельно. Сегменты дискуссий с более или менее проницаемыми границами могут агрегироваться и растворяться в большом море онлайн-говорения.

В этой сложной и непредсказуемой картине сетевого общения структурные элементы процесса обсуждения носят временный характер. Ранее количество, характер и статус участников, которые потенциально были бы заинтересованы в участии в данной дискуссии, можно было предсказать заранее. Сегодня структура онлайн-дискуссий постоянно пересобирается заново, и аккаунты СМИ являются едва ли не единственным каркасом, который спасает дискуссии от рассеивания (Smoliarova et al., 2020). Обсуждения в Интернете можно рассматривать как ассамбляжи

(Deleuze, Guattari, 1988), что заново открывает перспективу применения теории систем в исследованиях общественного мнения и одновременно ставит острый вопрос о природе консенсуса в постоянно перестраиваемых группах пользователей. Одним из предположений может быть то, что консенсус в онлайн-дискуссиях динамичен и может иметь определенные пороговые значения и точки бифуркации (Smoliarova et al., 2019), а также охватывает разные доли от общего числа участников в разные моменты времени. Иначе говоря, консенсус имеет кумулятивный и динамический характер.

Другие элементы структуры онлайн-дискуссий также играют свою роль в накоплении мнений и достижении конкретной конфигурации консенсуса. Это более плотно связанные сегменты дискуссий (модули), основанные на единообразии мнения (*opinion homophily*; McPherson, Smith-Lovin, Cook, 2001; Newman, 2006), инфлюэнсеры (Freberg et al., 2011), каскадоподобные структуры распространения информации (Jalili, Perc, 2017), «вирусные» волны (Singer, 2014) и т. д. Дискуссии строятся вокруг разногласий, и возникают группы с одинаковыми взглядами; однако, учитывая динамику накопления мнений и проницаемые границы дискуссионных сообществ в социальных сетях, идея эхо-камер становится менее актуальной (Bruns, 2019), но все еще применима на некоторых уровнях анализа. Здесь вероятностная оценка и анализ динамики, по всей видимости, лучше подошли бы для представления разногласий в обсуждении и растущего/уменьшающегося консенсуса, чем принятое сегодня в большинстве исследований представление «динамики через статику» в виде веб-графов. Аналогичным образом, кристаллизация часто сосредоточена вокруг влиятельных лиц (инфлюэнсеров) различного происхождения и с различными ролями в структуре обсуждения (Soares, Recuero, Zago, 2018), что позволяет оценивать динамику накопления мнений в группах их подписчиков. И, конечно, «естественное» накопление мнений, как и при «классическом» обсуждении, может подвергнуться различным стратегическим искажениям – от управления социальными сетями до фальшивых новостей и вычислительной пропаганды. Это ставит множество вопросов о роли про- и антидемократических стратегических нарративов в кумулятивном консенсусе. Безусловно, эти вопросы уже рассматривались десятками ученых, но пока такие исследования не объединены общей идеей.

Мы считаем, что для миллионов пользователей политически значимые коммуникативные микро-действия проистекают не из желания достичь консенсуса, а из их отношения к существующему (воспринимаемому) конфликту. Это немного меняет оптику деликерации и возвращает людям их право выражать свое отношение без того, чтобы обязательно ориентировать свое высказывание на поиск лучших аргументов и финального согласия. Онлайн-коммуникаторы могут формировать мнения консенсусными и неконсенсусными способами, из которых простейшей моделью было бы «большинство против меньшинства» или, если рассматривать в динамике, модель перетягивания каната, кумулятивная по своей природе.

Недиалогичность и недискуссионное выражение мнений. Традиционно обсуждение как процесс обладает узнаваемым порядком, который обеспечивает рациональность обсуждения и ориентацию на плодотворный диалог. Элементами такого порядка являлись:

– ограниченное (даже если большое) и предсказуемое (даже если не всегда известное точно) число участников и вовлеченных сторон;

– определенная очередность публичных заявлений, формально установленная или неформальная, но все же соблюдаемая сторонами;

– иерархия действующих лиц и их вклад, который преобразуется в стабильное или менее стабильное воздействие данного актора на динамику складывания консенсуса;

– согласие сторон в отношении правил достижения консенсуса (которые могут быть оспорены представителями меньшинства);

– приемлемые шаблоны «вопрос–ответ», аргументация и риторика;

– заранее сформированные мнения и подготовленные аргументы для публичных выступлений хотя бы у основных участников общественного обсуждения.

В подобный набор критериев укладывается, скажем, обсуждение законопроекта с участием парламентских комитетов, профильных министерств, общественных групп и крупных медиа, где процедуры включают общественные и парламентские слушания, открытый лоббизм, медийное освещение дискуссии. Но, как показано выше, в современных социально-сетевых дискуссиях число участников может варьировать гораздо менее предсказуемо; иерархия складывается в ходе дискуссии; аргументы не подготов-

лены; правила игры не всегда ясны и разделяются участниками. Сегодня ученые редко задаются вопросом, имеет ли значение само количество участников в данной дискуссии, почему оно важно и можно ли его предсказать. При этом общая теория систем предполагает, что в динамических системах критически важно количество единиц; оно имеет значение для достижения пороговых значений, качественных сдвигов, точек бифуркации. Системная перспектива может создать свою собственную логику и порядок формирования мнения.

Один из элементов этой логики заключается в том, что делиберативные усилия СМИ и организаций тонут в океане сообщений пользователей, в отдельных случаях достаточно влиятельных. И гораздо сложнее предсказать, чей вклад становится более весомым. То, что в 2000-х воспринималось как демократизация и горизонтальность онлайн-обсуждений, сегодня может быть истолковано как «выравнивание» значимости институциональных акторов по сравнению с обычными гражданами и появление новых механизмов влияния на мнения, поведение пользователей, структуру и динамику дискуссии (инфлюэнсинга). Инфлюэнсеры, как упоминалось выше, являются частью кумулятивного, а не традиционного циклического обсуждения, поскольку их статус вырастает из поддержки пользователей. Они служат центрами притяжения обсуждения, агрегируют мнения вокруг себя и способны оказывать заметное влияние на содержание онлайн-дискуссий. Однако до сих пор не решен вопрос о том, в какой степени сетевые влиятельные фигуры способны изменить офлайновое принятие решений (и способны ли вообще). Почти во всех случаях наблюдается разрыв между онлайн- и офлайн-обсуждением, они происходят на разных аренах и влияние онлайнового накопленного мнения, как и мнения инфлюэнсеров, является опосредованным, что затрудняет анализ и выявление его реального веса в делиберативном процессе.

Еще одним важным элементом недиалогичности является вышеупомянутая одновременность выражения мнений неограниченным числом пользователей; часто это сотни, десятки тысяч, изредка даже миллионы пользователей. Эта одновременность, где объем дискуссии нарастает экспоненциально и в недрах которой начинают формироваться доминирующие мнения, не соответствует правилам раундного обсуждения. Масса пользовательских высказываний структурируется с помощью особенностей интер-

фейса платформы и возможностей пользователей в рамках интерфейса (*affordances*), алгоритмических рекомендаций, фильтров контента, списков трендов или инструментов, зависящих от пользователя, таких как хэштеги. Все эти факторы по отдельности поддаются изучению, но все же моменты кристаллизации мнений пока остаются неуловимыми, в то время как мнения движутся и колеблются вне любого формально организованного диалога. Связь между этими колебаниями и выработкой политики по конкретным вопросам повестки дня, как уже сказано выше, также остается неясной.

Недиалогичность также проявляется на уровне пользователя, где диалогические взаимодействия с другими пользователями и утверждения, основанные на аргументах, сосуществуют с фатическим общением, агрессивной речью и белым шумом. Более того, диалог как упорядоченная речь уступает место отдельным (и часто ситуативно/контекстуально неполным) личным высказываниям, вызванным аффектом, принадлежностью к группе, желанием поделиться опытом и т. д. Комментарии пользователей могут быть адресованы не только другим пользователям, но и автору поста (который не всегда отвечает и чей ответ не всегда ожидается) или всему сообществу, без какого-либо конкретного адресата.

Таким образом, диалогичность теряется на структурном (общем и межличностном) и интенционально-речевом уровне. Выработка мнения в таких обстоятельствах строится на пространственно-временной агрегации высказываний пользователей. На результат агрегации влияют экзогенные (контекстуальные, платформенные и пользовательские) и эндогенные (дискурсивные) факторы, среди которых – политическая поляризация (Conover et al., 2011), паттерны солидарности, порой даже агрессивной (Bodrunova et al., 2021), влияние инфлюэнсеров, динамика фолловинга (о фолловинге см.: Езан, Неборская, 2018), речевое определение «свой–чужой», совместный опыт, коннективное (Bennett, Segerberg, 2012) и контрибутивное действие, – но не диалог в его нормативной форме. Конгломераты лишенных делиберативного намерения, фрагментарных псевдодиалогических высказываний, которые накапливаются в Интернете, вряд ли можно даже назвать дискуссиями. В том, что мы продолжаем считать их таковыми, проявляется, скорее, академическая инерция, которая едва ли отражает реальность.

Кумулятивная делиберация: Концептуальная основа нового подхода

Определение кумулятивной делиберации. В определении кумулятивной делиберации мы учли несколько ключевых понятий и явлений. Это:

– понятие коммуникативных микро-действий (соединяющее «крошечные акты политического участия» в оксфордской работе Margetts et al. (2015) и «коммуникативное действие» у Хабермаса) и их роль в формировании мнений;

– паттерны накопления мнений, подобные «спирали молчания»;

– кумулятивные эффекты такого накопления в онлайн-дискуссиях;

– влияние эндогенных и экзогенных факторов на накопление мнения, в т. ч. связь паттернов кумулятивной делиберации с поведением пользователей и контекстом;

– понимание гибридной, онлайн-офлайновой природы (Chadwick, 2013) сегодняшнего процесса делиберации и вопрос о том, как связаны онлайновое и офлайновое обсуждение повестки дня.

Мы предлагаем называть кумулятивной делиберацией: 1) процесс накопления, перераспределения и рассеивания общественного мнения (мнений), созданного участием интернет-пользователей различного институционального статуса в онлайновой дискурсивной деятельности, и 2) влияние накопленных мнений на позиции институциональных акторов и дискурсы, включая работу СМИ и полисимейкинг.

Кумулятивная делиберация критически отличается от институциональной, и мы, основываясь на вышеописанном, видим несколько особенностей, которые необходимо переосмыслить в исследованиях. Суммируем их еще раз.

Первая – это недиалогический характер онлайн-обсуждений. В то время как институциональное обсуждение и дискуссия в СМИ могут обеспечить постепенное приближение к консенсусу, кумулятивная делиберация предлагает альтернативные способы выработки, влияния и ниспровержения общественного мнения.

Вторая – это разрыв между традиционной нормативностью публичного диалога и действиями пользователей. Если мы признаем, что пользователи не могут обеспечить уровень рациональности и вовлеченности, ожидаемый от институционализированной коммуникации (в т. ч. в СМИ), нам необходимо пересмотреть

нормативность в рамках кумулятивного формирования мнения. Оно во многих случаях может рассматриваться как изначально нормативно нейтральная групповая динамика, но в некоторых случаях не должно признаваться нейтральным.

Третья – это роль контекста в том, как складывается и интерпретируется доминирующее мнение или настроение. Как кумулятивные паттерны, так и кумулятивные эффекты необходимо изучать с учетом контекста, тогда как в наших знаниях о том, как контексты и культурные различия меняют кумуляцию мнений, наблюдается значительный пробел.

Ниже мы рассмотрим второй и третий пункты более подробно; но перед этим мы покажем, что кумулятивная делиберация может использоваться в качестве «зонтичного» термина для обобщения ряда хорошо известных явлений в формировании мнений, поведении пользователей и принятии общественных решений.

Предшествующие кумулятивные модели формирования мнений и их нормативность. Мы ни в коем случае не претендуем на то, чтобы быть первыми, кто считает кумулятивные процессы формирования общественного мнения и обсуждения решающими. Но мы осмелимся утверждать, что некоторые весьма популярные модели формирования общественного мнения представляют собой индивидуальные формы кумулятивной делиберации с логикой «перетягивания каната», если рассматривать их с точки зрения принятия общественных решений.

В частности, модели, разработанные в 1970-х гг., в т. ч. модель «спирали молчания» (Noelle-Neumann, 1974; Noelle-Neumann, Petersen, 2004) и «молчаливого большинства» (Mustafaraj et al., 2011), четко описывают накопление мнений, основанное на групповых и индивидуальных психологических, а не делиберативных основаниях, и не так важно, что они были обнаружены в коммуникации и паттернах политического выбора до начала эпохи Интернета. В целом, как обоснованно утверждалось в работах по медиаэффектам, «культивационные эффекты (Gerbner, Gross, 1976), установка повестки дня (McCombs, Shaw, 1972) и «спираль молчания» (Noelle-Neumann, 1974) возникли из идеи кумулятивных эффектов» (Koch, Arendt, Maximilian, 2017: 2). Однако «различие между одиночными и кумулятивными эффектами, каким бы простым и очевидным оно ни казалось на первый взгляд, долгое время игнорировалосмь в исследованиях медиаэффектов» (Там же: 1). То же самое можно сказать и об исследованиях общественного мнения

и общественной сферы, где «зонтичное» понятие кумуляции в целом не использовалось. Здесь, однако, мы должны уточнить, что в медиаисследованиях под кумулятивными эффектами понимаются индивидуальные эффекты накопительного характера, создаваемые долговременным воздействием на медиапотребителя определенного медиаконтента или его особенностей, таких как, например, политическая предвзятость/пристрастность (bias; Koch, Arendt, Maximilian, 2017; Perse, 2001: 51). В отличие от таких эффектов личностного уровня, кумулятивные паттерны в процессе коммуникации многих лиц, а также влияние кумулятивного общественного мнения на принятие решений зависят от множества разнообразных микро-вкладов самих участников дискуссии, а не от воздействия одного фактора.

В моделях формирования мнений, подобных «спирали молчания», индивидуальные мнения выражаются в формах установок (например, во время голосования), заявлений (например, претензий или жалоб) или молчания, что приводит к быстрому и понятному разделению на большинство/меньшинство на основе позиции «да/нет» и победе большинства путем накопления доминирующих позиций или активности одних на фоне молчания других. Безусловно, высказывания пользователей редко несут в себе четкую информацию, подобную «да/нет»; однако сегодня с помощью автоматизированных моделей анализа текста ученые пытаются упростить лингвистический облик высказываний юзеров и «перевести» их на социологически/политологически значимый язык цифр. В XXI в. исследования «спиралей молчания» трансформировались в изучение эхо-камер и пузырей-фильтров (*filter bubbles*), а концепции вроде «молчаливого большинства» используются для обобщенного, «технического» определения настроений пользователей без их нормативной оценки (Venkataraman, Subbalakshmi, Chandramouli, 2012).

На наш взгляд, однако, применение подобных моделей формирования мнений к онлайн-дискуссиям не должно резко упрощать дискуссию и критически снижать ее многомерность, как это повсеместно происходит в исследовании эхо-камер. Моделирование пользовательских дискуссий подразумевает поиск метода для учета множества форм и мотивов высказываний, а также их рудиментарной диалогичности. Такие методы приводят к недвоичному, многомерному ви́дению текста и возможности описания многополярного разделения мнений, более близкого к реальным взглядам

людей, чем деление на «правый/левый» или «за/против», предзаданное исследователем. Тем не менее пороговые значения, когда одна позиция начинает преобладать в обсуждении, тоже можно и нужно обнаруживать и предсказывать – отслеживая не только то, *что* говорят пользователи, но и то, *как* люди выражают точку зрения. Здесь важно, что трансформируется само понятие «(общее) мнение»: мнение перестает иметь жесткие границы вида «да/нет», становится гибким, мнения перетекают одно в другое через промежуточные состояния, и вслед за ними группы их носителей становятся динамичными, их границы – проницаемыми, пороги входа в такие группы снижаются, если платформа не предлагает выстроить их технически (например, создать закрытое сообщество).

Более «молодым» примером концепции, связывающей кумулятивную делиберацию и поведение в офлайне является концепция коннективного (связующего) действия (*connective action*; Bennett, Segerberg, 2012). Она описывает, как накопление связей пользователей и единого мнения приводит (иногда через эффект «перетекания через край» – *spillover effect*) в коллективное офлайновое действие (например, волонтерство или протест). Коннективное действие – пример опосредующего влияния сетевой коммуникации и агентской роли платформ в институционализированном делиберативном процессе. Если же общее действие пользователей остается в рамках Сети, можно говорить об уже упомянутом выше контрибутивном действии, т. е. активности пользователей на основе индивидуального вклада каждого в накопление общего эффекта (Bodrunova, 2020 a). Например, подписание петиций, массовые жалобы на сайтах правительств или компаний, онлайн-флэшмобы можно представить как накопление мнений ради достижения некоммуникативного эффекта путем однотипного повторяющегося вклада, который накапливается. Именно накопление вклада и переход порога общественного внимания через контрибутивное действие формирует политический вопрос повестки дня. Наличие таких переходов указывает на то, что подходы в области теории систем могут и должны быть использованы для оценки и прогнозирования влияния кумулятивных моделей формирования мнений и действий на более рациональные и институционализированные части общественного обсуждения.

В контрибутивном (и в меньшей степени – в коннективном) действии нормативные намерения пользователей скорее акти-

вистские, чем делиберативные. Таким образом, в рамках кумулятивной делиберации мы можем встретиться с интенциями пользователей, которые носят либо нейтральный («высказаться без намерения прийти к консенсусу»), либо активистский («высказаться/сделать ради изменения реальности, но не ради консенсуса») характер. При этом в онлайн-дискуссиях могут действовать также акторы, имеющие целью стратегически повлиять на результат естественного складывания мнений, часто – скрытым, нелегитимным, антидемократическим путем (Woolley, Howard, 2018; Miller, Vaccari, 2020). Если Хабермас критикует стратегическое вмешательство как свидетельство «рефеодализации» в противовес рациональному поиску базовых причин принятия решения, то мы противопоставим стратегическое вмешательство в онлайн-дискуссию новой нормативности, рассматривающей пользователя как изначально нейтральную единицу делиберативного процесса, имеющую право на нерациональность и недиалогичность.

Завершая данный раздел, укажем также, что концепция кумулятивной делиберации одновременно сходна с моделью агрегационной демократии и отлична от нее. Изложенная на русском языке, например в работах О. Л. Грановской (2015), модель агрегативной демократии описывается как основанная на идее агрегации большинства/меньшинства через индивидуальное голосование на выборах и противостоящая идее нахождения консенсуса при принятии общественно значимых решений. Однако следует указать на принципиальное отличие идеи накопления от идеи агрегации, хотя они и кажутся идентичными. Накопление представляет собой процесс, в котором временны́е параметры являются ключевыми и связаны с дискурсивными и контекстуальными чертами дискуссии. Темпоральное измерение в кумулятивной делиберации не менее важно, чем дискурсивное и контекстуальное (поскольку, как сказано выше, точки бифуркации в дискуссиях могут образоваться в любой момент), тогда как агрегативная модель демократии делает акцент на результирующем сочетании мнений, а не на процессе и факторах их накопления. Безусловно, агрегация мнения – суть кумулятивной делиберации, но мнения в онлайн-дискуссиях не похожи на мнения, выраженные через голосование; они играют иные роли в процессе принятия общественных решений; и, как сказано выше, они не могут прийти к финальному раскладу – только к промежуточному варианту (не)согласия.

Переосмысление нормативности для кумулятивной делиберации

Устранение чрезмерной нормативности. Наш основной вклад в теоретизацию кумулятивной делиберации, как мы думаем, заключается в призыве признать и принять в качестве базовой предпосылки исследований *делиберативное несовершенство* мышления и поведения пользователей. Это неизбежно подразумевает создание новых нормативных оснований для оценки «онлайн-дискуссий»; но важнее, что это возвращает человека и человеческое в теорию делиберации.

Не отказываясь от демократического вектора в оценке качества публичной онлайн-сферы, мы считаем, что классическое понимание делиберации не соответствует паттернам «дискуссий» в социальных сетях. Разделяемый теоретиками набор нормативных требований к участникам онлайн-дискуссий порождает нереализованные ожидания и постепенно теряет свою объяснительную силу. Сама идея диалогической «онлайн-дискуссии», будь она консенсусной или диссонантной, и дилемма *to agree or to argue* – научные иллюзии, ставшие ключевым концептуальным ограничением для исследований медиатизированных и сетевых публичных сфер.

Напротив, кумулятивная делиберация – это способ взглянуть на онлайн-дискуссии, придавая значение каждому сообщению, лайку, репосту и комментарию. Каким бы бесцельным ни было обсуждение на уровне микро-действий, оно может быть признано политическим как его собственными участниками, так и внешними наблюдателями. Это, однако, не подразумевает требования к каждому отдельному пользователю быть абсолютно делиберативным, то есть рациональным, инклюзивным и ориентированным на консенсус. Означает ли это, что такая не обязательно рациональная, инклюзивная и ориентированная на консенсус коммуникация не имеет значения? Нет, не означает.

Ученые обеспокоены тем, что онлайн-дискуссии не порождают ожидаемого содержания высокого демократического качества в каждом акте говорения. Должны ли они? – спрашиваем мы. Благодаря снижению ожиданий по отношению к отдельным участникам онлайн-дискуссий концепция кумулятивной делиберации позволяет оценивать достижение консенсуса более точно, чем это делают классические модели обсуждения, и избавляет исследования публичной сферы от чрезмерной нормативности в нескольких важных аспектах.

Во-первых, мы считаем, что пользователи имеют право не быть делиберативными в конкретных высказываниях, в т. ч. политических. Мы признаем право людей не стремиться к консенсусу и даже не иметь его в виду при общении онлайн. В реальной жизни и в Интернете у пользователей есть различные мотивы для самовыражения – от тщеславия до сострадания, и несогласованное и нерациональное поведение людей формирует саму ткань онлайн-речи. Это, в свою очередь, подразумевает, что коммуникативные микро-действия пользователей сначала должны рассматриваться как *нормативно нейтральные*, т. е. не обремененные всеобъемлющей целью, – не потому, что они представляют собой идеальную практику общественного обсуждения и, следовательно, политически нейтральны или совершенно инклюзивны, а потому, что подавляющее большинство пользователей просто не имеют далеко идущих целей нахождения консенсуса или окончательной победы в споре.

Во-вторых, мы корректируем трактовку мотивации пользователей. Стоит перестать приписывать чрезмерную субъектность и ответственность отдельным пользователям. Если коммуникация инициируется не желанием достичь консенсуса в будущем, а его антиподом, а именно – существующим конфликтом, то особенности речи коренятся в нем. Таким образом, логично ожидать, что люди будут говорить эмоционально, заинтересованно или даже агрессивно – конечно, в рамках законодательно очерченных границ и сетевого этикета, который можно и нужно изучать. При этом следует внимательнее относиться к речи, выходящей за пределы конвенций, и не требовать от платформ огульно ее запретить. Так, мы показали, что в автократиях нецензурная речь в Интернете и политические уничижительные выражения могут играть конструктивную роль – как в стимулировании горячего обсуждения, так и в его контекстуализации (Bodrunova et al., 2021). Наши результаты говорят о том, что границы между допустимой и исключаемой речью необходимо проводить с осторожностью. Этим мы не утверждаем, что в Интернете люди имеют право нарушать нормы цивилизованного общения. Вовсе нет: точно так же, как и в офлайне, люди должны стремиться к наилучшему возможному поведению в любое время. Но и в «живом» поведении есть действия, которые признаются незаконными или резко нарушающими социальные нормы, а есть действия неприятные и даже грубые, но все же юридически и этически приемле-

мые. Новая нормативность активно формируется сегодня через требования вежливости и оценку допустимых границ нецивилизованного поведения в Интернете, включая преднамеренные последствия нецивилизованности и вербальной агрессии, такие как разжигание ненависти или кибербуллинг. Но здравый смысл требует, чтобы неаргументированная, эмоциональная или фатическая речь не рассматривалась как настолько же вредная и неприемлемая для кумулятивной делиберации, как незаконное и нецивилизованное вербальное поведение. Ряд ученых, впрочем, указали даже на конструктивные функции агрессивной и обсценной речи, призывая не убирать ее из онлайн-дискуссий путем автоматической фильтрации (Masullo Chen et al., 2019; Bodrunova et al., 2021).

В-третьих, при кумулятивном формировании мнения важен каждый лайк. Эта позиция идет вразрез с доминирующим отношением к онлайн-комментаторам как к «диванным критикам» и «слэктивистам»[2]. Микро-мотивации и эмоции внутри микродействий, какими бы незначительными они ни были, как раз и формируют возникающие кумулятивные эффекты в социальносетевом общении. Крошечные коммуникативные акты можно рассматривать как нормативно нейтральные в еще одном смысле: связь между результатом обсуждения и индивидуальным вкладом в него непрямая и почти не поддается отслеживанию, но в любом случае ею нельзя пренебрегать, поскольку каждый микро-акт говорения способствует формированию пороговых значений в динамике обсуждения и разворотах общественного настроения.

Нормативная нейтральность и контекст дискуссии. Одним из сложных вопросов в исследованиях кумулятивной делиберации является учет контекста дискуссии. Несмотря на «нейтральный» подход к пользователям как к свободным и легитимно неделиберативным, но несколько безликим единицам, производящим накапливающиеся во времени коммуникативные акты, теория кумулятивной делиберации должна уделять внимание личности, идентичности и культуре как параметрам, которые определяют разнообразие онлайн-общения и влияют на мотивацию пользователей, чтобы не свалиться в описание «технологически формальных схем взаимодействия» пользователей вместо оценки «сложного баланса защиты собственных позиций и терпимости к иным взглядам» (Семенов, 2022: 84). Учет индивидуального контекста

речи при этом чрезвычайно сложен, поскольку платформы, как правило, не предоставляют персональные данные пользователей и их черты можно вычислять только из речи.

Контекст также проявляется на двух других уровнях: ситуативного контекста и контекста за пределами дискуссии (Bodrunova, 2020 b). Мы ранее провели это различие на основе работ о роли контекста в анализе данных, которые принадлежат к четырем различным направлениям в науке: традиционной лингвистике, когнитивной лингвистике, критической теории дискурса и компьютерной лингвистике/вычислительному анализу данных из социальных сетей. Ситуативный контекст подразумевает развитие дискуссии как таковой, где для каждого конкретного высказывания остальные реплики выступают контекстом. Но нас будет больше интересовать контекст за пределами дискуссии – исторический и текущий, поскольку именно им часто можно объяснить результаты кейсовых исследований поляризации пользователей и их группировки, что создает проблемы для генерализации результатов и их сравнения с аналогичными в других коммуникативных культурах.

Оценки демократического качества и социальной полезности кумулятивной делиберации будут зависеть от того, как мы относимся к пользователю в его соотношении с контекстом. Иначе говоря, допускаем ли мы возможность того, что кумуляция мнений имеет свою собственную, «естественную», «системную», «математическую» или «массово-психологическую» логику, которая была бы отчасти сформирована особенностями интерфейсов, чертами пользователей и культурно-историческими различиями контекста, но не полностью обусловлена ими. Включение параметров, связанных с чертами пользователей и контекстом вне дискуссии, в исследования кумулятивной делиберации должно быть тщательно обсуждено в сообществе коммуникативистов.

Зло истинное и ложное, или Стратегическое вмешательство в кумулятивное мнение. Вместо того чтобы предъявлять чрезмерные требования к обычным пользователям, научное сообщество, медиаиндустрия, корпоративные и политические элиты должны следить за другой границей, где сегодня активно формируется нормативность. Это широкий спектр форм политического и коммерческого использования накопления мнений.

Практика стратегического искажения мнений, как указывалось выше, может включать как «подкрутку» дискурса со стороны отдель-

ных акторов политического поля, так и необъявленное системное государственное вмешательство, вычислительную пропаганду, действия против несовершеннолетних, вмешательство в выборный процесс и т. д. Эти явления требуют соответствующего гибкого противодействия – от установления норм корпоративной социальной ответственности за сетевые дискуссии до правового предотвращения цифровых угроз. В обсуждении границ допустимого, в т. ч. допустимого противодействия, должен принять участие широкий круг участников, включая представителей платформ, интернет-активистов, медиаобразовательные организации, НКО и заинтересованных граждан.

Как и в случае традиционных СМИ и традиционной публичной сферы, естественные искажения кумулятивной делиберации, проистекающие из черт пользователей и контекста, необходимо отличать от стратегических нарративов. Несбалансированная политическая речь, словесная агрессия в рамках закона или непреднамеренная дезинформация могут рассматриваться как разрушительные структурные искажения лингвистической природы, так же как искажения, связанные с техническими и пользовательскими особенностями платформ. Но они отличны от стратегического вмешательства, и степень их приемлемости много выше. После 2016 г. глобальная озабоченность стратегическими искажениями резко возросла (Miller, Vaccari, 2020). Мы хотим подчеркнуть, что в свете концепции кумулятивной делиберации несовершенство дискурса и естественные структурные искажения, с одной стороны, и стратегические вмешательства, с другой стороны, неодинаковы, даже если все они отклоняются от идеального делиберативного коммуникативного действия. Поэтому усилия научного сообщества следует направить на гуманизацию делиберативных исследований и одновременное изучение вреда, наносимого стратегическими воздействиями на онлайн-дискуссии.

Вместо заключения. Направления исследования кумулятивной делиберации

Изучение делиберативных практик онлайн приводит исследователей к мысли об их дисфункциональности, связанной с отказом от рациональности, инклюзивности, поиска общего блага и ориентации на обретение согласия. Однако мы настаи-

ваем на том, что с самого начала наложение нормативных ожиданий на обычного человека в соцсетях было ошибкой, обусловленной инерцией академического мышления о публичной сфере и завышенными ожиданиями от Интернета как крупнейшей технологической инновации, мыслимой во многом как утопия (Nakamura, 2013; Колозариди, 2015). После четверти века изучения онлайн-общения ученые пришли к пониманию необходимости разработать новые концепции, которые были бы ближе к реальности пользовательских дискуссий и позволили бы определить место этих дискуссий в демократическом делиберативном процессе.

Мы предложили одну из таких концепций с опорой на накопительный характер мнений онлайн и новую нормативность, которая допускает неделиберативное поведение отдельного пользователя, но не допускает стратегического вмешательства скрытых акторов в аутентичный сетевой разговор. Концепция кумулятивной делиберации может быть доработана до полноценной теории гибридной (онлайн-офлайновой или институциональной+кумулятивной) делиберации, в которой будут сочетаться оценка качества рациональных механизмов публичного обсуждения и учет влияния накопленного общественного мнения и его динамики.

Для того чтобы такая теория стала возможной, следует объединить уже существующие и развивать новые исследования кумулятивной делиберации в нескольких важных направлениях. Это: 1) формирование нормативных требований к участникам кумулятивной делиберации; 2) паттерны накопления и размывания мнений на уровне отдельного пользователя, дискурса, структуры дискуссии, языкового сегмента, платформы и др.; 3) эндогенные (дискурсивные) факторы накопления мнений, включая роли агрессивной и фатической коммуникации, выражение недоверия, паттерны установления контакта, юмористическую речь и др.; 4) экзогенные (контекстуальные, платформенно-технологические и пользовательские) факторы, включая офлайновую медиасистему, политический ландшафт и политическую культуру как элементы контекста; 5) методы выявления накопления мнений – от методов системного анализа до вычислительных методов коммуникативистики, а также социальной, математической и когнитивной лингвистики; 6) кумулятивные эффекты в онлайн-обсуждениях на уровне пользователя, группы, дискуссии в целом; 7) связь между паттернами/эффектами куму-

лятивной онлайн-делиберации и процессом выработки решений офлайн – о чем у нас пока крайне мало доказательного знания. «Зонтичный» характер концепции, позволяющий систематизацию уже известных эффектов и выявление новых, поможет увидеть онлайновый делиберативный процесс на новом уровне обобщения и более точно описать его место в общественном мнении и публичном обсуждении общего блага.

Примечания

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект 21-18-00454.

[2] Gladwell M. (2010) Small change. *The New Yorker* 4 (2010): 42–49.

Библиография

Грановская О. Л. Делиберативная и агрегативная модели демократии и агональный либерализм И. Берлина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (32). С. 126–135.

Езан И. Е., Неборская Л. Н. Лингвотипологическая характеристика политических твитов в современном немецком языке // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 68–72.

Колозариди П. В. Утопия и идеология в исследованиях Интернета // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 5 (129). С. 144–158. DOI: 10.14515/monitoring.2015.5.08

Мисников Ю. Г. Интернет-дискуссии в демократической теории и практике // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. 2013. № 2013. С. 100–131.

Семенов Е. Е. Виртуальная публичная сфера: дефицит делиберации // Общество: философия, история, культура. 2022. № 10 (102). С. 81–85.

Benhabib S. (1996) Toward a deliberative model of democratic legitimacy. In *Democracy and difference: Contesting the boundaries of the political*. Princeton: Princeton University Press. Pp. 67–94. DOI: https://doi.org/10.2307/j.ctv1nxcvsv

Bennett W. L., Segerberg A. (2012) The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics. *Information, Communication & Society* 15(5): 739–768. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661

Bodrunova S. S. (2020 a) Contributive action: socially mediated activities of Russians during the COVID-19 lockdown. *Media International Australia* 177 (1): 139–143. DOI: 10.1177/1329878X20953536

Bodrunova S. S. (2020 b) The boundaries of context: contextual knowledge in research on networked discussions. In *Fifth Networks in the Global World Conference*. Cham: Springer. Pp. 165–179.

Bodrunova S. S., Litvinenko A., Blekanov I., Nepiyushchikh D. (2021) Constructive aggression? Multiple roles of aggressive content in political discourse on Russian YouTube. *Media and Communication* 9: 181–194. DOI: 10.17645/mac.v9i1.3469

Bozdag E. (2013) Bias in algorithmic filtering and personalization. *Ethics and Information Technology* 15 (3): 209–227. DOI: https://doi.org/10.1007/s10676-013-9321-6

Braaten J. (1991) *Habermas's critical theory of society.* New York: SUNY Press.

Brown J., Dillard J. (2013) Critical accounting and communicative action: On the limits of consensual deliberation. *Critical Perspectives on Accounting* 24 (3): 176–190. DOI: https://doi.org/10.1016/j.cpa.2012.06.003

Bruns A. (2019) *Are filter bubbles real?* Hoboken: John Wiley & Sons.

Calhoun C. (ed.) (1993) *Habermas and the public sphere.* Boston: MIT press.

Chadwick A. (2013) *The hybrid media system: Politics and power*. Oxford: Oxford University Press. DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199759477.001.0001

Conover M., Ratkiewicz J., Francisco M., Gon alves B., Menczer F., Flammini A. (2011) Political polarization on twitter. *Proceedings of the International AAAI conference on web and social media* 5 (1): 89–96. DOI: https://doi.org/10.1609/icwsm.v5i1.14126

Dahlberg L. (2005) The Habermasian public sphere: Taking difference seriously? *Theory and Society* 34 (2): 111–136.

Daniels J. (2013) Race and racism in Internet studies: A review and critique. *New Media & Society* 15 (5): 695–719. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444812462849

Deleuze G., Guattari F. (1988) *A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia. Vol. 1.* London: Bloomsbury Publishing.

Fenton N., Downey J. (2003) Counter public spheres and global modernity. *Javnost – The Public* 10 (1): 15–32. DOI: https://doi.org/10.1080/13183222.2003.11008819

Fossato F., Lloyd J. (2008) *The web that failed.* Reuters Institute for the Study of Journalism, Department of Politics and International Relations, University of Oxford (RISJ).

Freberg K., Graham K., McGaughey K., Freberg L. A. (2011) Who are the social media influencers? A study of public perceptions of personality. *Public Relations Review* 37 (1): 90–92. DOI: 10.1016/j.pubrev.2010.11.001

Gerbner G., Gross L. (1976) The scary world of TV's heavy viewer. *Psychology Today* 9 (11): 41–45.

Habermas J. (1991) *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society.* Boston: MIT press.

Habermas J. (1992 a) *Postmetaphysical thinking: Philosophical essays.* Boston: MIT Press.

Habermas, J. (1992 b) *Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy.* Boston: MIT Press.

Habermas J. (1996) *Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy.* Boston: MIT Press.

Habermas J. (2001) From Kant's 'Ideas' of pure reason to the 'Idealizing' presuppositions of communicative action: Reflections on the 'detranscendentalized' Use of Reason. In *Pluralism and the pragmatic turn: The transformation of critical theory, essays in honor of Thomas McCarthy*. Boston: MIT Press. Pp. 11–39.

Habermas J. (2006) Political communication in media society: Does democracy still enjoy an epistemic dimension? The impact of normative theory on empirical research. *Communication Theory* 16 (4): 411–426. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2006.00280.x

Hallin D. C., Mancini P. (2004) *Comparing media systems: Three models of media and politics.* Cambridge: Cambridge University Press. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511790867

Jalili M., Perc M. (2017) Information cascades in complex networks. *Journal of Complex Networks* 5 (5): 665–693. DOI: https://doi.org/10.1093/comnet/cnx019

Jezierska K. (2020) With Habermas against Habermas: Deliberation without consensus. *Journal of Deliberative Democracy, 15* (1). Available at: https://delibdemjournal.org/article/id/598/ (accessed: 16.02.2023). DOI: https://doi.org/10.16997/jdd.326

Karppinen K., Moe H., Svensson J. (2008) Habermas, Mouffe and political communication: A case for theoretical eclecticism. *Javnost – The Public* 15 (3): 5–21.

Koch T., Arendt F., Maximilian L. (2017) Media effects: Cumulation and duration. In *The International Encyclopedia of Communication*. DOI: 10.1002/9781118783764.wbieme0217

Lake P., Pincus S. (2006) Rethinking the public sphere in early modern England. *Journal of British Studies* 45 (2): 270–292. DOI: https://doi.org/10.1086/499788

Leydet D. (2021) Ideological Diversity, Intelligibility and Electoral Design: A Deliberative Perspective. *Representation* 57 (3): 297–312. DOI: https://doi.org/10.1080/00344893.2019.1704850

Malina A. (2005) Perspectives on citizen democratisation and alienation in the virtual public sphere. In *Digital democracy*. London: Routledge. Pp. 37–52.

Margetts H., John P., Hale S., Yasseri T. (2015) *Political turbulence: How social media shape collective action.* Princeton: Princeton University Press.

Masullo Chen G., Muddiman A., Wilner T., Pariser E., Stroud N. J. (2019) We should not get rid of incivility online. *Social Media+Society* 5 (3): 2056305119862641. DOI: https://doi.org/10.1177/2056305119862641

McCombs M. E., Shaw D. L. (1972) The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly* 36 (2): 176–187.

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. (2001) Birds of a feather: Homophily in social networks. *Annual Review of Sociology* 27 (1): 415–444. DOI: https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415

Miller M. L., Vaccari C. (2020) Digital threats to democracy: comparative lessons and possible remedies. *The International Journal of Press/Politics* 25 (3): 333–356. DOI: https://doi.org/10.1177/1940161220922323

Moe H. (2008) Dissemination and dialogue in the public sphere: a case for public service media online. *Media, Culture & Society* 30 (3): 319–336. DOI: https://doi.org/10.1177/0163443708088790

Mouffe C. (2000) *The Democratic Paradox*. New York: Verso.

Mouffe C. (2017) Democracy as agonistic pluralism. In *Rewriting democracy*. London: Routledge. Pp. 35–45.

Mustafaraj E., Finn S., Whitlock C., Metaxas P. T. (2011) Vocal minority versus silent majority: Discovering the opinions of the long tail. In *2011 IEEE Third International Conference on Social Computing*. IEEE. Pp. 103–110.

Nakamura L. (2013) *Cybertypes: Race, ethnicity, and identity on the Internet*. London: Routledge. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203699188

Newman M. E. (2006) Modularity and community structure in networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 103 (23): 8577–8582. DOI: https://doi.org/10.1073/pnas.0601602103

Noelle-Neumann E. (1974) The spiral of silence a theory of public opinion. *Journal of Communication* 24 (2): 43–51. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1974.tb00367.x

Noelle-Neumann E., Petersen T. (2004) The spiral of silence and the social nature of man. In *Handbook of political communication research*. London: Routledge. Pp. 339–356.

Papacharissi Z. (2015) *Affective publics: Sentiment, technology, and politics*. Oxford: Oxford University Press. DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199999736.001.0001

Perse E. M. (2001) *Media Effects and Society*. Taylor & Francis. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203854693

Pfetsch B. (2018) Dissonant and disconnected public spheres as challenge for political communication research. *Javnost – The Public* 25 (1-2): 59–65. DOI: https://doi.org/10.1080/13183222.2018.1423942

Scheufele D. A., Moy P. (2000) Twenty-five years of the spiral of silence: A conceptual review and empirical outlook. *International Journal of Public Opinion Research* 12 (1): 3–28. DOI: 10.1093/ijpor/12.1.3

Singer J. B. (2014). User-generated visibility: Secondary gatekeeping in a shared media space. *New Media & Society* 16 (1): 55–73. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444813477833

Sintomer Y. (2018) From deliberative to radical democracy? Sortition and politics in the twenty-first century. *Politics & Society* 46 (3): 337–357. DOI: https://doi.org/10.1177/0032329218789888

Soares F. B., Recuero R., Zago G. (2018) Influencers in polarized political networks on Twitter. In *Proceedings of the 9th International conference on social media and society*. Pp. 168–177. DOI: https://doi.org/10.1145/3217804.3217909

Smoliarova A. S., Bodrunova S. S., Blekanov I. S., Maksimov A. (2020). Discontinued public spheres? Reproducibility of user structure in Twitter discussions on inter-ethnic conflicts. In C. Stephanidis, M. Antona, S. Ntoa (eds.), *HCI International 2020 – Late Breaking Posters. Communications in Computer and Information Science. Vol. 1293*. Cham: Springer. Pp. 262–269.

Smoliarova A. S., Bodrunova S. S., Yakunin A. V., Blekanov I., Maksimov A. (2019) Detecting pivotal points in social conflicts via topic modeling of Twitter content. In S. S. Bodrunova et al. (eds.) *Internet Science. INSCI 2018 International Workshops, St. Petersburg, Russia, October 24–26, 2018, Revised Selected Papers. Lecture Notes in Computer Science, vol. 11551*. Cham: Springer. Pp. 61–71.

Splichal S. (2021) The public sphere in the twilight zone of publicness. *European Journal of Communication* 37 (2): 02673231211061490. DOI: https://doi.org/10.1177/02673231211061490

Toffler A. (1980) *The third wave: The classic study of tomorrow.* Bantam.

Toffler A. (2022) *The third wave: The classic study of tomorrow.* Bantam.

Trottier D., Fuchs C. (2014) Theorising social media, politics and the state: An introduction. In *Social media, politics and the state*. London: Routledge. Pp. 15–50.

Venkataraman M., Subbalakshmi K. P., Chandramouli R. (2012) Measuring and quantifying the silent majority on the internet. In *Proceedings of the 2012 35th IEEE Sarnoff Symposium*. IEEE. Pp. 1–5.

Woolley S. C., Howard P. N. (eds.) (2018) *Computational propaganda: Political parties, politicians, and political manipulation on social media*. Oxford: Oxford University Press.

Yardi S., Boyd D. (2010) Dynamic debates: An analysis of group polarization over time on twitter. *Bulletin of Science, Technology & Society* 30 (5): 316–327. DOI: https://doi.org/10.1177/0270467610380011

Notes

Issledovanie vypolneno pri podderzhke Rossiyskogo nauchnogo fonda, proekt 21-18-00454. [The study was carried out with support from the Russian Scientific Foundation, project 21-18-00454].

Gladwell M. (2010) Small change. *The New Yorker* 4 (2010): 42–49.

References

Benhabib S. (1996) Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy. In *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. Princeton: Princeton University Press. Pp. 67–94. DOI: https://doi.org/10.2307/j.ctv1nxcvsv

Bennett W. L., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. *Information, Communication & Society* 15 (5): 739–768. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661

Bodrunova S. S. (2020 a) Contributive Action: Socially Mediated Activities of Russians during the COVID-19 Lockdown. *Media International Australia* 177 (1): 139–143. DOI: 10.1177/1329878X20953536

Bodrunova S. S. (2020 b) The Boundaries of Context: Contextual Knowledge in Research on Networked Discussions. In *Fifth Networks in the Global World Conference*. Cham: Springer. Pp. 165–179.

Bodrunova S. S., Litvinenko A., Blekanov I., Nepiyushchikh D. (2021) Constructive Aggression? Multiple Roles of Aggressive Content in Political Discourse on Russian YouTube. *Media and Communication* 9: 181–194. DOI: 10.17645/mac.v9i1.3469

Bozdag E. (2013) Bias in Algorithmic Filtering and Personalization. *Ethics and Information Technology* 15 (3): 209–227. DOI: https://doi.org/10.1007/s10676-013-9321-6

Braaten J. (1991) *Habermas's Critical Theory of Society.* New York: SUNY Press.

Brown J., Dillard J. (2013) Critical Accounting and Communicative Action: on the Limits of Consensual Deliberation. *Critical Perspectives on Accounting* 24 (3): 176–190. DOI: https://doi.org/10.1016/j.cpa.2012.06.003

Bruns A. (2019) *Are Filter Bubbles Real?* Hoboken: John Wiley & Sons.

Calhoun C. (ed.) (1993) *Habermas and the Public Sphere*. Boston: MIT press.

Chadwick A. (2013) *The Hybrid Media System: Politics and Power*. Oxford: Oxford University Press. DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199759477.001.0001

Conover M., Ratkiewicz J., Francisco M., Gon alves B., Menczer F., Flammini A. (2011) Political Polarization on Twitter. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media* 5 (1): 89–96. DOI: https://doi.org/10.1609/icwsm.v5i1.14126

Dahlberg L. (2005) The Habermasian Public Sphere: Taking Difference Seriously? *Theory and Society* 34 (2): 111–136.

Daniels J. (2013) Race and Racism in Internet Studies: A Review and Critique. *New Media & Society* 15 (5): 695–719. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444812462849

Deleuze G., Guattari F. (1988) *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Vol. 1.* London: Bloomsbury Publishing.

Fenton N., Downey J. (2003) Counter Public Spheres and Global Modernity. *Javnost – The Public* 10 (1): 15–32. DOI: https://doi.org/10.1080/13183222.2003.11008819

Fossato F., Lloyd J. (2008) *The Web that Failed*. Reuters Institute for the Study of Journalism, Department of Politics and International Relations, University of Oxford (RISJ).

Freberg K., Graham K., McGaughey K., Freberg L. A. (2011) Who are the Social Media Influencers? A Study of Public Perceptions of Personality. *Public Relations Review* 37 (1): 90–92. DOI: 10.1016/j.pubrev.2010.11.001

Ezan I. E., Neborskaya L. N. (2018) Lingvotipologicheskaya kharakteristika politicheskikh tvitov v sovremennom nemetskom yazyke [Linguo-Typological Characteristic of Political Tweets in Modern German]. *Vestn. Omsk. gos. ped. un-ta. Gumanitarnye issledovaniya* 3 (20): 68–72.

Gerbner G., Gross L. (1976) The Scary World of TV's Heavy Viewer. *Psychology Today* 9 (11): 41–45. (In Russian)

Granovskaya O. L. (2015) Deliberativnaya i agregativnaya modeli demokratii i agonal'nyy liberalizm I. Berlina [Deliberative and Aggregative Models of Democracy and I. Berlin's Agonistic Liberalism]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* 2 (32): 126–135. (In Russian)

Habermas J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society.* Boston: MIT press.

Habermas J. (1992 a) *Postmetaphysical Thinking: Philosophical Essays.* Boston: MIT Press.

Habermas J. (1992 b) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy.* Boston: MIT Press.

Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy.* Boston: MIT Press.

Habermas J. (2001) From Kant's 'Ideas' of Pure Reason to the 'Idealizing' Presuppositions of Communicative Action: Reflections on the 'Detranscendentalized' Use of Reason. In *Pluralism and the Pragmatic Turn: The Transformation of Critical Theory, Essays in Honor of Thomas McCarthy*. Boston: MIT Press. Pp. 11–39.

Habermas J. (2006) Political Communication in Media Society: Does Democracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research. *Communication Theory* 16 (4): 411–426. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2006.00280.x

Hallin D. C., Mancini P. (2004) *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics.* Cambridge: Cambridge University Press. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511790867

Jalili M., Perc M. (2017) Information Cascades in Complex Networks. *Journal of Complex Networks* 5 (5): 665–693. DOI: https://doi.org/10.1093/comnet/cnx019

Jezierska K. (2020) With Habermas Against Habermas: Deliberation Without Consensus. *Journal of Deliberative Democracy, 15* (1). Available at: https://delibdemjournal.org/article/id/598/ (accessed: 16.02.2023). DOI: https://doi.org/10.16997/jdd.326

Karppinen K., Moe H., Svensson J. (2008) Habermas, Mouffe and Political Communication: A Case for Theoretical Eclecticism. *Javnost – The Public* 15 (3): 5–21.

Koch T., Arendt F., Maximilian L. (2017) Media Effects: Cumulation and Duration. In *The International Encyclopedia of Communication*. DOI: 10.1002/9781118783764.wbieme0217

Kolozaridi P. V. (2015) Utopiya i ideologiya v issledovaniyakh Interneta [Utopia and Ideology in Internet Studies]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 5 (129): 144–158. DOI: 10.14515/monitoring.2015.5.08 (In Russian)

Lake P., Pincus S. (2006) Rethinking the Public Sphere in Early Modern England. *Journal of British Studies* 45 (2): 270–292. DOI: https://doi.org/10.1086/499788

Leydet D. (2021) Ideological Diversity, Intelligibility and Electoral Design: A Deliberative Perspective. *Representation* 57 (3): 297–312. DOI: https://doi.org/10.1080/00344893.2019.1704850

Malina A. (2005) Perspectives on Citizen Democratisation and Alienation in the Virtual Public Sphere. In *Digital Democracy*. London: Routledge. Pp. 37–52.

Margetts H., John P., Hale S., Yasseri T. (2015) *Political Turbulence: How Social Media Shape Collective Action*. Princeton: Princeton University Press.

Masullo Chen G., Muddiman A., Wilner T., Pariser E., Stroud N. J. (2019) We Should Not Get Rid of Incivility Online. *Social Media+Society* 5 (3): 2056305119862641. DOI: https://doi.org/10.1177/2056305119862641

McCombs M. E., Shaw D. L. (1972) The Agenda-Setting Function of Mass Media. *Public Opinion Quarterly* 36 (2): 176–187.

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. (2001) Birds of a Feather: Homophily in Social Networks. *Annual Review of Sociology* 27 (1): 415–444. DOI: https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415

Miller M. L., Vaccari C. (2020) Digital Threats to Democracy: Comparative Lessons and Possible Remedies. *The International Journal of Press/Politics* 25 (3): 333–356. DOI: https://doi.org/10.1177/1940161220922323

Misnikov Yu. G. (2013) Internet-diskussii v demokraticheskoy teorii i praktike [Online Discussions in the Democratic Theory and Practice]. *Sotsial'nye seti i virtual'nye setevye soobshchestva* 2013: 100–131. (In Russian)

Moe H. (2008) Dissemination and Dialogue in the Public Sphere: a Case for Public Service Media Online. *Media, Culture & Society* 30 (3): 319–336. DOI: https://doi.org/10.1177/0163443708088790

Mouffe C. (2000) *The Democratic Paradox*. New York: Verso.

Mouffe C. (2017) Democracy as Agonistic Pluralism. In *Rewriting Democracy*. London: Routledge. Pp. 35–45.

Mustafaraj E., Finn S., Whitlock C., Metaxas P. T. (2011) Vocal Minority Versus Silent Majority: Discovering the Opinions of the Long Tail. In *2011 IEEE Third International Conference on Social Computing*. IEEE. Pp. 103–110.

Nakamura L. (2013) *Cybertypes: Race, Ethnicity, and Identity on the Internet*. London: Routledge. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203699188

Newman M. E. (2006) Modularity and Community Structure in Networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 103 (23): 8577–8582. DOI: https://doi.org/10.1073/pnas.0601602103

Noelle Neumann E. (1974) The Spiral of Silence a Theory of Public Opinion. *Journal of Communication* 24 (2): 43–51. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1974.tb00367.x

Noelle-Neumann E., Petersen T. (2004) The Spiral of Silence and the Social Nature of Man. In *Handbook of Political Communication Research*. London: Routledge. Pp. 339–356.

Papacharissi Z. (2015) *Affective Publics: Sentiment, Technology, and Politics.* Oxford: Oxford University Press. DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199999736.001.0001

Perse E. M. (2001) *Media Effects and Society.* Taylor & Francis. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203854693

Pfetsch B. (2018) Dissonant and Disconnected Public Spheres as Challenge for Political Communication Research. *Javnost – The Public* 25 (1-2): 59–65. DOI: https://doi.org/10.1080/13183222.2018.1423942

Scheufele D. A., Moy P. (2000) Twenty-Five Years of the Spiral of Silence: A Conceptual Review and Empirical Outlook. *International Journal of Public Opinion Research* 12 (1): 3–28. DOI: 10.1093/ijpor/12.1.3

Semenov E. E. (2022) Virtual'naya publichnaya sfera: defitsit deliberatsii [Virtual Public Sphere: Deliberation Deficit]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* 10 (102): 81–85. (In Russian)

Singer J. B. (2014). User-Generated Visibility: Secondary Gatekeeping in a Shared Media Space. *New Media & Society* 16 (1): 55–73. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444813477833

Sintomer Y. (2018) From Deliberative to Radical Democracy? Sortition and Politics in the Twenty-First Century. *Politics & Society* 46 (3): 337–357. DOI: https://doi.org/10.1177/0032329218789888

Soares F. B., Recuero R., Zago G. (2018) Influencers in Polarized Political Networks on Twitter. In *Proceedings of the 9th International Conference on Social Media and Society.* Pp. 168–177. DOI: https://doi.org/10.1145/3217804.3217909

Smoliarova A. S., Bodrunova S. S., Blekanov I. S., Maksimov A. (2020). Discontinued Public Spheres? Reproducibility of User Structure in Twitter Discussions on Inter-Ethnic Conflicts. In C. Stephanidis, M. Antona, S. Ntoa (eds.), *HCI International 2020 – Late Breaking Posters. Communications in Computer and Information Science. Vol. 1293.* Cham: Springer. Pp. 262–269.

Smoliarova A. S., Bodrunova S. S., Yakunin A. V., Blekanov I., Maksimov A. (2019) Detecting Pivotal Points in Social Conflicts via Topic Modeling of Twitter Content. In S. S. Bodrunova et al. (eds.) *Internet Science. INSCI 2018 International Workshops, St. Petersburg, Russia, October 24–26, 2018, Revised Selected Papers. Lecture Notes in Computer Science, vol. 11551.* Cham: Springer. Pp. 61–71.

Splichal S. (2021) The Public Sphere in the Twilight Zone of Publicness. *European Journal of Communication* 37 (2): 02673231211061490. DOI: https://doi.org/10.1177/02673231211061490

Toffler A. (1980) *The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow.* Bantam.

Toffler A. (2022) *The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow.* Bantam.

Trottier D., Fuchs C. (2014) Theorising Social Media, Politics and the State: An Introduction. In *Social Media, Politics and the State*. London: Routledge. Pp. 15–50.

Venkataraman M., Subbalakshmi K. P., Chandramouli R. (2012) Measuring and Quantifying the Silent Majority on the Internet. In *Proceedings of the 2012 35th IEEE Sarnoff Symposium*. IEEE. Pp. 1–5.

Woolley S. C., Howard P. N. (eds.) (2018) *Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media*. Oxford: Oxford University Press.

Yardi S., Boyd D. (2010) Dynamic Debates: An Analysis of Group Polarization over Time on Twitter. *Bulletin of Science, Technology & Society* 30 (5): 316–327. DOI: https://doi.org/10.1177/0270467610380011

Поступила в редакцию
23.10.2022